
В. М. АЛПАТОВ

СЛОВО ОБ АКОПЕ НАЗАРЕТЯНЕ

К сожалению, я не так долго знал Акопа Погосовича. Мы познакомились с ним в академическом Институте востоковедения, где несколько лет оба работали. Я был там, включая аспирантуру, 44 года, а в 2012 г. ушел в другой институт, он же пришел туда лишь в 2000-е гг. Казалось бы, наши специальности были достаточно разными: он – социолог и психолог, я – лингвист. Но наше время – исторический период, когда, особенно в гуманитарной сфере, происходит сближение наук.

Я застал времена, когда в науке господствовало размежевание. Окончил отделение МГУ, которое называлось отделением структурной и прикладной лингвистики, а главной тенденцией лингвистики структурного периода был имманентный подход: считалось, что эта наука не должна учитывать данные других дисциплин, за исключением математики. И у нас были огромные математические курсы, какие-то курсы по лингвистике, включая прикладную, но ничего другого. В Институте востоковедения, правда, дух был несколько иным: восточные языки изучались в связи с культурой соответствующего народа, но это изучение исходило из давних традиций страноведения и не заботилось о теории. Потом на моих глазах ситуация стала меняться и у нас, и в других странах. Период размежевания стал с конца 70-х – начала 80-х гг. сменяться периодом интеграции наук. Еще раньше Н. Хомский провозгласил, что лингвистика – часть психологии познания, и не без труда подобные идеи стали распространяться. Все же в таких учреждениях, как Институт востоковедения, продолжалось и в значительной степени продолжается разграничение: вот этот человек занимается языками, вот этот – историей, а этот – социологией.

Акоп Погосович с начала деятельности в институте занял особое место. Его интересы в отличие от большинства сотрудников невозможно было охарактеризовать одним словом, он занимался различными проблемами, находящимися на стыке наук. Часто выступал в институте, стремясь ставить такие проблемы, которые были бы актуальны для гуманитариев разных специальностей. Он был прирожденным полемистом, умел и любил спорить, и его всегда

было интересно слушать. Помню и его участие в телевизионных дискуссиях, правда, Назаретян был вынужден сожалеть о том, что самое важное из них вырезали. И меня он заставлял думать о том, что лингвистика может дать познанию человека. И в то же время другой вопрос: не поглотит ли лингвистический анализ проблематику других наук? Такая тенденция теперь заметна. И еще: структурная и генеративная лингвистика значительно повысила строгость своей науки, а переход к более широкой постановке вопросов эту строгость значительно снизил. Сейчас, конечно, популярно изучение языковых картин мира, но слишком часто оно основано на личных субъективных представлениях исследователей, и требуется искать какие-то критерии отбора концепций. Этому на японском материале была посвящена моя первая публикация в журнале «Историческая психология и социология истории».

Журнал, организованный Акопом Погосовичем, смог объединить людей разных специальностей и взглядов. Он вызвал немалый интерес. Моя ныне покойная жена, занимавшаяся американской литературой, была его постоянной читательницей: ее последняя книга была посвящена проблемам синергетики. Уже в больнице она спрашивала, не вышел ли новый номер журнала. Туда приняли за эти годы пять моих публикаций, и я чувствовал, что там можно печатать статьи не только по разным темам, но и в разных жанрах. Например, размышления о некоторых абстрактных проблемах: о цене человеческой жизни, о справедливости. Это и не строгая наука, но и не совсем публицистика. И я мог это опубликовать только в данном журнале.

В последние годы я не так часто бываю в Институте востоковедения, но 9 октября 2018 г. меня пригласили выступить там на обсуждении монографии. И случайно встретившись в метро с Акопом Погосовичем, я шел с ним от станции «Кузнецкий мост», по дороге обсуждая всякие проблемы вроде психологических основ понятия слова и других базовых понятий лингвистики. И Назаретян попросил меня написать об этом для журнала. В январе я послал ему статью. 15 января он прислал мне чисто редакционные замечания: количество страниц, издательство и пр. И добавил: «Постарайтесь ответить до ночи, так как завтра утром ложусь в больницу и все может затянуться». Я ответил, пожелав выздоровления. Вечером пришло ответное письмо со словами: «Постараюсь выздороветь». Это меня встревожило, но я не мог и подумать, что все случится так быстро.

Огромная потеря!